

Когда твое такси скрылось из вида, я еще долго стоял на одном месте, глядя в ту точку, где автомобиль прощально моргнул мне габаритами. Затем поднял глаза, посмотрел в черное небо, посыпавшее город колючей снежной картечью, натянул капюшон, уже не волнуясь, что волосы паклей прилипнут ко лбу, и зашагал прочь без какого-либо вменяемого маршрута.

Зима еще огрызалась последними метелями, но атаки ее захлебнулись, исчерпав боекомплект. Февраль, растеряв все снабжение, сегодня перевалил за свою середину. Несмотря на то что девушки на улицах еще прятали от снега и ветра букетики в этот насквозь коммерческий праздник, мобики в окопах месили уже совсем весеннюю грязь.

Все шло своим чередом. Кто-то сбежал из страны, кто-то мобилизовался и уехал на фронт, кто-то, как я, просто болтался без дела по городу, не зная, куда себя деть. Лента новостей полыхала невиданными сражениями ботов, бурлила проклятьями, зевала докладами и сообщениями о погибших и раненых, которые приходили теперь почти каждый день, одинаковые и скучные. Хорошо, что ты не читала такие новости, порой даже мне становилось от них тошно, я с удовольствием и сам бы их не читал.

Мы встретились пару лет назад, и, кроме той, первой встречи, у нас было еще несколько свиданий. Не знаю, что ты сама думала о них, но я определенно считал эти встречи свиданиями. А поскольку в последнее время мне не с кем стало разговаривать, делиться мыслями и происходящим

вокруг, то я начал разговаривать с тобой, избрав для этого достаточно необычный способ. Наши встречи были настолько редкими, что я принялся обо всем рассказывать тебе мысленно, и с тех самых пор ты всегда находилась рядом со мной, пусть даже несколько виртуально.

В конце концов, у людей есть не только внешний, но и внутренний мир, так почему тебе не пожить в моем? Пусть в нем обитают не одни лишь мрачные призраки.

Тем временем война затягивалась. Быть позитивным и видеть вокруг только хорошее решительно не получалось. Но война контрастна, на фоне самых черных теней свет воспринимается ярче. В этом красота войны.

Однажды я обещал тебе доказать, что война бывает красивой. Тогда я не знал, что мое стремление забросит меня в самую ее столицу, в город, имя которого звучит чаще других из любого утюга, телевизора или компьютера. В город, в котором, несмотря на обстрелы, распускаются цветы, а люди делят со мной последнюю банку консервов. А вокруг будет весна, и я буду курить на пустой, словно вымершей, простреленной насквозь улице, и только фонарь составит мне компанию.

В один прекрасный день мне позвонил мой донецкий товарищ по имени Денис и в ходе беседы, шутя, пригласил меня к себе в гости, а я, не придав значения своим словам, неожиданно для себя согласился.

«Серьезно приедешь?» – удивился Денис. «Почему нет?» – не менее удивленно подтвердил в ответ я.

Поразмыслив, я, конечно, пришел к выводу, что затея, мягко говоря, сомнительная, однако заднюю включать было уже поздно. Еще не хватало, чтобы меня посчитали трусом. Я вообще очень легко веду на такие предложения, от этого у меня куча проблем. Это называется «взять на понт». И я боюсь, что однажды кто-нибудь вынудит меня, например, спрыгнуть с крыши. То же самое касается и моих увлечений – дельтаплана, мотоцикла и сплавов на построенных из всякого хлама лодках, вопреки любым требованиям техники безопасности.

Однажды я отдыхал в Абхазии, и хозяйка домика, где мы с друзьями снимали комнату, настоятельно рекомендовала нам ни в коем случае не лазить по местным развалинам, так как они до сих пор заминированы. Но развалины были столь притягательны и живописны, что, вооружившись фотоаппаратом, я, конечно, туда полез. Тогда обошлось. Обойдется ли в этот раз?

И вот в один мартовский вечер я, стоя на автовокзале нашего города и жуя пирожок, безразлично наблюдал за воробьем, который прыгал вокруг меня и что-то отчаянно чирикал.

Но это было позже. Сейчас же, возле такси, ты обняла меня на прощание и как-то очень наивно положила мне голову на грудь. Мне нестерпимо захотелось смахнуть ладонью колючий снег с твоих волос, но я этого не сделал. А еще я, неизвестно почему, прошептал про себя: «Воробушек». Не знаю, как такое сравнение пришло мне на ум. «Маленький, хрупкий, тебя защищать хочется! Всегда теперь буду тебя так называть». Но я опять ничего тебе не сказал, и ты уехала, а я остался стоять, глядя в черное небо.

* * *

Эта поездка – еще одна из дурацких авантюр, в которые я влезаю с завидным постоянством. Я говорил тебе однажды, раздуваясь от важ-

ности, что нарочно ищущие сложные жизненные маршруты, для того чтобы жизнь была интересней.

Это не так. Точнее, не совсем так. В действительности я с детства привык вначале делать, а потом уже думать, что неизменно приводило к самым непредсказуемым последствиям. Меньше всего хотелось бы рассказывать тебе про исключительность и «некаквсейность» своего характера, как это любят делать многие искатели адреналина. Мне одинаково противны как обыватели, так и их оппоненты, эти напыщенные псевдогерои.

Пробираться по колено в ледяной воде болота в непроходимом лесу, а потом месяцами доставать из земли чьи-то чужие кости – профессия археолога, которую я выбирал себе под стать, любимая, но не всегда приятная. Тащить, отдуваясь, в гору неуклюжую на земле конструкцию дельтаплана, чтобы несколько секунд провисеть под ним в воздухе, рискуя затем сломать себе в лучшем случае ногу, – игра, не стоящая свеч. А рокот и фырканье мотоцикла – это всего лишь эхо несбывшейся детской мечты, помноженной на банальные условия городского трафика.

В общем и целом, мои «странствия и приключения» – это всего-навсего следствия необдуманных поступков. Но, безусловно, в таком образе жизни имеются и свои плюсы, мне не придется выдавливать из себя сюжеты для будущих книг.

Шофер посигналил, воробей улетел, я доел пирожок и полез в салон микроавтобуса, который должен был доставить меня в столицу, где мне надлежало пересестись на автобус уже до Донецка.

«Почти тридцать часов на заднице, с одной пересадкой и короткими перекурами, – прикинул я в уме, – сомнительное удовольствие».

Я осмотрелся. В салоне кроме меня находилось несколько вездесущих узбеков, дремал мужик пролетарского вида и две девочки-нимфетки громко обсуждали ролики в интернете.

Сейчас дверь микроавтобуса закроется, и время потечет совсем в другом ритме, а все эти люди и многие другие, встретившиеся мне позже в пути, превратятся в декорации. Так будет продолжаться ровно до тех пор, пока подошва моего запыленного ботинка вновь не коснется этой платформы. Если я, конечно, вернусь.

Знаешь, у меня в последнее время появилось странное чувство, что теперь есть то место, куда можно вернуться. Раньше такого места у меня не находилось, и я был волен болтаться где попало с наплевательским отношением как к самому себе, так и ко всему, что меня окружало. Но микроавтобус тронулся, остался за спиной наш с тобой мирный город, а за мной по всем дорогам потянулась теперь звенящая цепь невидимого якоря.

* * *

– Первый раз? – пограничник оторвал взгляд от монитора и внимательно посмотрел на меня.

– Да, – кивнул я в ответ.

Он еще раз взглянул на меня, теперь как на полного кретина, и снова уставился на монитор. Я же раздумывал над тем, не связана ли заминка на КПП с моим сомнительным политическим прошлым, настоящим и, видимо, будущим. Но все обошлось, покопавшись в компьютере, пограничник вернул мне документы, и я вышел на улицу к автобусу и ожидавшим возле него только меня остальным пассажирам.

Еще в Москве на автовокзале, когда покупал билет, я заметил несколько странное к себе отношение. Кассирша, услышав, куда я еду, принялась слишком участливо разъяснять мне подробности отправления автобуса, расписания остановок и прочие детали поездки. Мне даже стало интересно, сколько молодых людей с рюкзаками цвета хаки проходят мимо нее каждый день.

В салоне оказался только один парень, которого я мысленно отделил от остального дорожного люда. На нем были черные тактические брюки, берцы-облегченки, а из-под воротника куртки выглядывала татуировка с трилистником клевера, набитая на шее. С ним мы покурили пару раз на остановках и обменялись незначительными фразами. Остальные же пассажиры были явно гражданскими и занимали примерно одну пятую мест от общего числа в почти пустом двухэтажном донецком автобусе.

Я, расположившись сразу на двух креслах, было решил, что доеду до места с комфортом, но после Воронежа народ стал прибывать, и вскоре на соседнее кресло втиснулась объемистая тетка с авоськой. Прижавшись к окну, я попробовал читать, но голова была тяжелая, и слова «Конармии», которую я брал в дорогу, отказывались складываться в осмысленные предложения. Строчки расплывались и прыгали, и вскоре я задремал, очнувшись уже на КПП.

Пройдя пропускной пункт и глядя в окно, за которым была абсолютная чернота, я немного поразмыслил над тем, что теперь нахожусь на территории воюющей республики, но сделал для себя вывод, что внутренне во мне ничего не изменилось. Сознание безразлично прочертило границу на невидимой карте, только и всего. Не было ни страха, ни боли, не было обстрелов и развалин, я не видел искореженной техники и чужого горя, не было людей. Была только непроницаемая чернота стекла, прыжки автобуса на неровной дороге и условная линия, разделившая нас с тобой.

Покопавшись в телефоне и поняв, что за условной линией исчезли интернет и мобильная связь, я стянул с себя куртку, повозился в кресле, безуспешно пытаясь придать комфортное положение телу в отведенном мне теткой пространстве, и, с досадой вздохнув, окончательно закрыл глаза.

Снилась почему-то бывшая, с которой мы ругались за столиком в кафе. Она долго выговаривала мне что-то обидное, а затем ушла, прежде чем я успел ей ответить, дверь за ней захлопнулась, а я, с трудом проснувшись, отделался, наконец, от неприятного сна.

Автобус не двигался. По возне в салоне я понял, что это очередная остановка. Куртка, которую я подкладывал под голову, сползла, и физиономия моя частично приклеилась к стеклу. Я разлепил глаза и, не отрывая от стекла головы, уставился в хмуро начавшееся утро.

На фоне однообразного неба то тут, то там торчали ровные зубцы терриконов. «Слишком ровные», – вяло подумал я, вспоминая, что терриконы видел в детстве на Урале, но они были там немного другие и назывались как-то иначе.

Еще за окном находилась пара ларьков и улица в стройный ряд двухэтажных домов. Но линия крыш вдруг оборвалась под моим сонно блуждающим взглядом. Одно из домов на месте не оказалось. То есть он должен был там быть, как, например, зуб в челюсти, но его там не было, и от этого картинка выглядела неправильной и неестественной.

– Господи! – зашептала потеснившая меня в Воронеже тетка; когда автобус тронулся, мы проехали мимо и смогли рассмотреть то место, где находился провал. Ни развалин, ни следов пожара я не заметил. Так

бывает, когда на целом яблоке появляется первый след от укуса. Слово уловило кто-то укусило.

По разговорам пассажиров я понял, что мы проехали Макеевку.

Многократно слышимые ранее названия начинали вливаться в мою нынешнюю реальность и обретали в ней форму.

Далеко ли Макеевка от Донецка, я не знал, да и вообще не имел ни малейшего понятия, где нахожусь. Спрашивать у соседей мне не хотелось, а ориентироваться по времени прибытия, указанному в билете, было нельзя. Нас предупредили еще на столичном вокзале, что автобус запросто может опоздать на пару часов. «Если вообще доедет», – добавил тогда я про себя.

Сейчас же где-то неподалеку от нас несколько раз ухнуло и продолжило ухать подалее, уже за спиной. «Доберется ли автобус?» – вопрос из области черного юмора сразу переключался в насущную область. Но я отметил, что данный факт несколько меня не встревожил. Автобус вполне может не доехать, но я решил разбираться с проблемами по мере их поступления, поэтому полез в карман за влажными салфетками и попытался привести в порядок свою помятую в дороге рожу.

Влажные салфетки крайне полезная вещь, когда в городе перебои с водой. Эти перебои спустя некоторое время стали волновать меня куда больше постоянных обстрелов. «Умирать надо опрятным», – думал я, недобро поглядывая на выломанные рамы окон, наспех заколоченных листами OSB прямо над моей головой. Без воды опрятным быть тяжело, а умирать грязнулей неудобно перед людьми.

Странные мысли приходили там на ум, но об этом я расскажу тебе немного позже. А сейчас, все же нетронутым добравшийся, автобус тормозил на площади вокзала «Южный» города Донецка.

* * *

– Не пристегивайся, – предупредил меня таксист, когда мы, с моим товарищем Денисом, забрались в машину, а я, плюхнувшись на переднее сиденье, по привычке потянул на себя ремень, – будет прилет, отстегнуться не успеешь.

«Ох уж мне эти предосторожности, – зло подумал я. – Если прилетит поблизости или же непосредственно в машину, то какая мне на хрен будет разница, пристегнут я или нет?»

Меня всегда умиляли некоторые правила безопасности. Например, обязательный шлем в комплекте с дельтапланом. При нужном «везении», если воткнуться носом в землю, свалившись с порядочной высоты, голова твоя, возможно, уцелеет, а вот плечи... плечи, скорее всего, вырвет рамой, и у тебя будет замечательная возможность оценить, что плеч у тебя больше нет. Это как спасательный круг в северных морях – промучаешься чуток подольше. Про такие естественные здесь вещи, как каски и броники, даже заикаться не стоит, тут каждый решает сам.

Я оставил в покое ремень безопасности, чтобы не обижать таксиста, хотя предпочел бы пристегнуться. Большинство местных водителей ездят здесь как попало, а военным на правила дорожного движения вообще насрать. Нет, под танк, конечно, попасть сложно, танков я в городе, по крайней мере, не видел, а вот заехать под какой-нибудь армейский «Урал» проще простого.

Я знаю, что такие детали не слишком тебя заинтересуют, но мне придется упоминать о них и дальше. В этой картинке важны даже невыразительные для тебя штрихи.

Мы перекусили у подруги моего товарища и отправились в центр города уже на автобусе.

Дождаясь его на остановке, я разглядывал синеватые пирамиды терриконов вдалеке, когда оттуда отработали «Грады». Залпов слышно не было, но дымные шлейфы их снарядов потянулись куда-то в сторону Авдеевки и некоторое время висели в воздухе, пока не растаяли на легком ветру.

Тут же прилетела ответка. Разрывы ее снарядов напротив были слышны хорошо, но куда они угодили, видно не было, а канонада продолжилась, уже удаляясь.

К канонаде я привык почти сразу, как приехал. Она постоянна, и привыкнуть к ней довольно легко, как к тиканью часов или, например, к капанью воды из протекающего крана. Лишь первое время я донимал Дениса вопросами о том, «прилетело» это или «улетело». Он мне объяснил, и через какое-то время я решил, что научился разбираться в происхождении различных тревожных звуков. Как позже выяснилось, думал я так зря.

Тем временем потрепанный «пазик» довез нас до центра, и, спугнув стаю нахальных голубей, мы затопали в сторону бульвара Пушкина.

Голубей здесь, кстати, полно, и среди них очень много белых. Никогда не видел столько белых голубей. Ты бы, наверное, тоже удивилась.

Эти птицы мира прекрасно приспособились к войне. Они привыкли к обстрелам, их численность на улицах возросла, в отличие от людей, которые сидят по домам. А вот воробьев я почему-то здесь почти не видел.

Тебя, Воробушек, мне тоже тяжело здесь представить. Нет, на улицах много девушек, в процентном соотношении к остальным проходим. Они ничем не отличаются от девушек в нашем с тобой городе: каблучки, весенние короткие юбки. Многие из них служат, многие специально приехали сюда из других городов, где-то здесь, в волонтерских организациях, есть даже пара моих подруг.

Но тебя представить в этом городе у меня не получится. Да и не хочется мне тебя здесь представлять. Ты настолько чужда происходящему вокруг, что я не уверен, поймешь ли ты все то, что я захочу тебе рассказать.

Ты далеко, и слава богу, а я здесь, и я буду гулять по бульварам, слушая неумолкающий назойливый гул.

Ты не любишь эту войну, ты вообще войну не любишь. «Зачем это все нужно?» – спросила однажды ты.

Я не знаю. Может быть, только затем, чтобы однажды «здесь» не оказалось около тебя.

Побродив по центру, мы зашли в пиццерию. Я взял себе кружку местного пива, непьющий Денис заказал себе кофе. Мы прошли в пустой зал и уселись за столик у окна.

Здесь не Сталинград, конечно, кафе и бары работают, хотя многие из них закрыты. Работает сеть местных супермаркетов, не столкнувшись еще с натиском «Пятерочек» и «Магнитов». Подобная встреча сулит супермаркетам катастрофу похуже любой стрельбы. Открыт кинотеатр, и на его экранах все те же шедевры отечественного кинематографа. Центральный рынок открыт, несмотря на то что недавно попал под обстрел.

Но людей везде было мало. Я поглядел в окно на пустынную улицу. Если выйти в нашем городе погулять воскресным утром, то будет так же безлюдно, как субботним вечером в Донецке. Позже один ополче-

нец ответил на мой вопрос о том, почему сидеть в доме безопаснее, чем находиться на улице.

«Чтобы сложить дом, надо его целенаправленно обстреливать, — объяснил он, — одного снаряда недостаточно, а кому придет на ум специально шмалять по зданию с гражданскими и тратить на них боезапас?»

Больших разрушений в центре я действительно не заметил, но это не значило, что их не было совсем. Хвала коммунальщикам, они моментально латали посеченные осколками дома и чинили разбитые тротуары. Времени не хватало только на окна. Оттого многие из них были забиты плитами OSB, и если оглядеться по сторонам, то становилось понятно, куда именно недавно прилетело. Почему именно OSB, осталось для меня загадкой.

После девяти вечера город совсем вымирал. Закрывались кафе и супермаркеты, переставал ходить транспорт, а запоздавшие прохожие спешили по домам. На улицах оставались лишь редкие подвыпившие компании или же бродили небольшими группками военные. Первое и второе легко могло совмещаться.

Касаемо военных — конечно, это были не солдаты регулярных войск, а скорее представители разношерстных добровольческих формирований. Шевронов и других знаков различий они, как правило, не носили, оттого, кто перед тобой, понять было практически невозможно. Естественно, что подобные личности не были, аки Рэмбо, увешаны с ног до головы всевозможным вооружением, но гадать, не припрятал ли за пазухой подвыпивший боец гранату, у меня никакого желания не возникало, поэтому я, если мне случалось совершить вечерний променад, обходил таких персонажей стороной.

Тем не менее город продолжал жить своей околовоенной жизнью. Люди вставали утром, одевались, завтракали и, пробив в компостере билет, ехали на работу. Компостер, разумеется, вызвал у меня настоящий восторг!

Он, понятное дело, был не таким, похожим на дырокол, приспособлением, как в моем незапамятном детстве, но от него все равно потянуло теплом воспоминаний. На долю секунды меня перебросило из троллейбуса в воюющем городе на десятки лет назад в желтый автобус ЛиАЗ, к инею на его стеклах, в маленький сибирский городок за окном.

Но местные жители привыкли к компостерам, к тому, чтобы каждый день пробивать в них свой билет. За девять лет притупятся любые чувства, кроме, пожалуй, усталости. Она будет только копиться. Я видел ее здесь на многих лицах мужчин и женщин, молодых людей, и на лицах совсем юных девушек. И не надо мне что-то рассказывать, сыпать бравадами, я скорее поверю своим глазам. Эти люди устали. Устали и от тех и от этих, устали от пустых надежд и таких же пустых обещаний. И оттого, что хлеб подорожал.

Да. Именно тот самый условный хлеб. В таком состоянии тебе становится пофигу на весь театр военных действий вместе с маршалами и генералиссимусами, пофигу на то, что там удумали президенты и их кабинеты министров, наплевать на всю экономику и геополитику, тебя интересует, когда в твоём магазине появится хлеб, а в кране вода. Нужно правильно расставлять приоритеты.

Мне хотелось бы рассказать тебе об этом больше, но я еще обязательно вернусь к этой теме.

Мы подыались из-за столика пиццерии, попрощались с девушкой за кассой и, оставив ее одну в пустом кафе, вышли на улицу. Нужно было

возвращаться на квартиру к Наде, подруге моего товарища, где мы временно разместились, сегодня был день воды.

Воду в Донецке давали один раз в три дня с семи до девяти вечера, но этого могло и не произойти, а значит, необходимо было не только успеть провести различные гигиенические процедуры, но и наполнить водой все резервуары в доме. Пятилитровые пластиковые баклажки были обязательным атрибутом почти любых помещений.

Когда я приехал сюда, отсутствие воды стало для меня серьезной проблемой. Дело в том, что у меня уже очень давно выработалась одна привычка, которой я привык потакать. Не знаю, можно ли назвать ее дурной, но заключалась она в том, что я толком не мог проснуться, если прямо из постели не попадал сразу в душ. Это создавало массу неудобств во время экспедиций, политических съездов или литературных семинаров, когда мы делили один номер в гостинице на несколько человек. Обычно я вставал раньше всех, чтобы, никому не мешая, просыпаться под струями воды, а дома даже умудрялся выкуривать первую утреннюю сигарету, стоя под душем. Если же этого не происходило, то мое утро становилось неполноценным и весь последующий день я чувствовал себя неуверенно. Но что поделать, здесь мне пришлось терпеть.

Сегодня вода была, и мы, заказав какой-то еды – доставка в Донецке тоже работала, – и вытащив из холодильника пару запотевших бутылок, расселись в гостиной за маленьким столиком. За окнами были слышны далекие разрывы, в ванной шумел кран, и, ведя неторопливую беседу, мы отвлекались от нее только на то, чтобы поменять баклажки.

Я старался посвятить новоиспеченных россиян в тонкости российского быта, они же делились со мной подробностями будней донецких.

– Да, – вспомнил я, – я хотел в качестве сувенира осколок домой привезти, желательно не в собственном теле. Где мне его взять?

– На балконе посмотри, – улыбнулась Надя. – Там в шкафу кусок от снаряда лежит.

Куском от снаряда оказался блок стабилизатора ракетной части реактивного снаряда установки «Град», стодвадцатидвухмиллиметровая стальная хреновина, весом килограммов шесть и сантиметров тридцать в длину.

– Мне его друзья на день рождения принесли.

Надя тоже выглянула на балкон, где я вертел в руках ржавую железяку. Железяка была безвредной, но, несмотря на это, выглядела крайне опасно.

– Где они его взяли?

– Да здесь недалеко, в лесопосадке нашли, мы потом в него цветочки ставили. Если хочешь, забирай, – закурив сигарету, добавила Надя.

– Если его у меня на КПП найдут, то меня посадят. Не исключено, что прямо на него, – мрачно пошутил я и тоже закурил.

* * *

– Когда уже воду нормально дадут?

– Когда Славянск возьмем.

– Пойдем возьмем?

– Пойдем.

Двое добровольцев лениво шутили, стоя за барной стойкой, когда я спустился в штаб.

Формально я относился к одному из добровольческих движений, а в кармане у меня лежал шеврон с изображенной на нем гранатой. Прав-

да, прилепить мне его было некуда, я сознательно не брал сюда из дома армейских вещей и ходил исключительно в гражданке, инстинктивно чувствуя, что этот городской доспех прикроет меня лучше камуфля. Но шеврон с собой носил, так, на всякий случай.

После выходных моим друзьям нужно было выходить на работу, и оставаться у них мне было неудобно, поэтому я, подхватив рюкзак, отправился селиться в местный штаб организации. Кров и пища для приезжих волонтеров в нем имелись, и посильная помощь требовалась всегда.

Штаб находился в подвале, в бывшем помещении маленького бара, неизвестно какими путями доставшегося движению, и от бара там сохранилась барная стойка и стеклянный холодильник, в котором обычно хранят пиво и газировку. В основном помещении, по углам, на сложенных друг на друга поддонах размещались несколько лежаков, на одном из которых я позже и расположился. Там же была небольшая кухонька, со всем необходимым, туалет и подсобка, переделанная под склад. Стены были увешаны флагами и плакатами, а свободное место делили между собой различные детали военного обмундирования и вездесущие баклажки с чистой водой.

В штабе вечно толкался разношерстный народ. Волонтеры и журналисты, мобилизованные в увольнении и добровольцы. Кто-то приходил или уходил, приезжал или уезжал. Здесь можно было отдохнуть и переночевать, перекусить или же просто выпить кофе. В штабе всегда бурлила околофронтальная жизнь.

Своего земляка Юру я разыскал в подсобке.

– Пойдем, поможешь мне замок к двери приладить? – с ходу деловито предложил он, доставая из недр стеллажей испачканный маслом замок.

– Пойдем, – пожал я плечами.

– Прилетело тут недавно, – уже на улице буднично бросил Юра, заметив, что я разглядываю разбитые рамы первого этажа, прямо над нашими головами, – вон туда, на проезжую часть.

Я оглянулся. Действительно, в окнах первых этажей окружающих домов не было стекол.

– Посвети телефоном, а то я шурупа не вижу...

Внезапно, казалось, совсем неподалеку пять раз что-то сухо хлопнуло, треск прокатился мимо нас по улице и затих за углом дома.

– ПВО, что ли, наше работает? – пробормотал под нос Юра, продолжая ковырять отверткой замок. – Ты к нам надолго?

– Не очень, – перестал озираться я, – так, осмотреться...

– Ты вовремя, вечером девчонки шашлыки обещали. Поедешь завтра к Аркадичу?

– Что за Аркадич?

– Как тебе сказать? – Юра, наконец, закрутил неподатливый шуруп и выпрямился. – Завтра сам увидишь. У него, в общем, надо было уголь для шашлыков брать. У Аркадича угля много.

Перепрыгнув через бордюр, за нашими спинами на тротуаре остановился короткий белый микроавтобус «Тойота». Из него выскочил парень в камуфляже и с таким же шевроном на левом рукаве, что лежал и в моем кармане.

– Вы чего на улице делаете? – вместо приветствия выпалил он. – Прилет же был рядом!

– Где?

– Там, – парень неопределенно махнул рукой в ту сторону, где только что раздавались хлопки, – мирняк вроде посекло. Оглохли вы, что ли?

– Да слышали, – Юра покосился на меня, – замок вот чинили.

– Ну вы на всю голову... – парень закурил, – замок они, блин, чинили! Принимай обновку, – обратился он уже к Юре и кивнул на белый микроавтобус.

– Откуда подгон? – Юра пнул по широкому колесу «Тойоты» и заглянул в салон.

– Ну как обычно, всем миром собирали по копеечке, плюс власти раскошелились. Вещь! – Парень, которого звали Леха, обошел вокруг автомобиля. – Дизельный, полный привод. АГС бы еще в него поставить, цены бы ему не было! – мечтательно добавил он, осмотрев заднюю дверь машины.

– На склад генераторы приедут в пять, – оборвал Юра его грезы, – надо ехать разгружать. Вот и обкатаем обновку.

Я тоже решил поехать на склад. Просиживать штаны в штабе становилось скучно, да и бездельничать мне не позволяла совесть. Поэтому, прихватив пару сигарет с барной стойки, там всегда валялись несколько общаковых пачек, а мои деньги постепенно заканчивались, я пятым полез в «Тойоту», вслед за двумя молодыми парнями, волонтерами из Питера.

Мы проехали центр и, минуя обложенную мешками с песком заправку, повернули в промзону. Потянулись притихшие заводы, их огромные пустые здания выстроились вдоль дороги, трубы не дымили, а большие железные ворота проходных давно некому было открывать. Зато то тут, то там к заводским заборам прилепились многочисленные салоны ритуальных услуг, пыльные пластиковые венки висели на стенах, а из дворов, если таковые имелись, маячили серые силуэты надгробных плит.

Но жизнь все-таки продолжалась. Странная, на контрастах, жизнь. Когда мы сворачивали к складу, мимо нас с ревом промчался блестящий хромом и глянцевыми боками мотоцикл. Я с недавних пор стал внимательнее присматриваться к мототехнике, и мне показалось, что это был «Харлей Дэвидсон», совсем неуместный здесь, среди брошенных громадин заводов, но подробно разглядеть мне его не удалось.

– Да че вы их вчетвером таскаете?! – орал на грузчиков водитель КамАЗа, когда мы въехали на территорию склада. – Берите вдвоем! Мне их вот такие студенты, – водитель продемонстрировал грузчикам мизинец, желая объяснить физические характеристики студентов, – вдвоем грузили!

– Вот и вез бы сюда своих студентов, а нам здесь еще до темноты пахать, – огрызались в ответ грузчики.

– Да какой дурак сюда поедет? – грустно вздохнул водитель, намереваясь забраться в свою кабину.

– Не кипятись, земляк, – Юра хлопнул его по плечу, – мы же приехали. Сейчас все разгрузим.

На номере КамАЗа стоял код нижегородского региона, и поэтому водила, благодарно крикнув, взялся нам помогать. Но, несмотря на это, дело пошло немногим быстрее. Весившие по сто двадцать килограммов коробки с генераторами выскальзывали из рук, пальцам не за что было уцепиться, и в итоге мы провозились с ними до самого вечера.

Костер уже догорал между сложенных вокруг кирпичей, когда мы вернулись в штаб.

– Осталось что-нибудь? – поинтересовался Юра, подходя к огню.

– Да, мы вас ждали, – поднялась навстречу девушка Ольга, руководитель штаба, – чего вы так долго?

– Да... – вместо ответа махнул рукой водитель Леха, отряхивая свою запыленную «горку», – так где мясо-то?

– Внутрь унесли, – Ольга оглядела потемневший двор. – Надо будет здесь прибраться на днях, мусор, листья, палки всякие валяются, некрасиво, – добавила она и притоптала подошвой тактического ботинка остывающие угли.

К вечеру в штабе осталось совсем мало людей. Кроме нас там была еще только пара питерских волонтеров. На складном походном столике стояла тарелка с дымящимися кусками мяса, буханка ржаного хлеба, несколько бутылок вина и пара бутылок джина. Дополнял натюрморт армейский нож с зазубренным сверху лезвием.

Не дожидаясь остальных, Леха воткнул нож в ближайший кусок и, обжигаясь, ухватил его зубами.

– Не ешь с ножа, злой будешь, – улыбнулась, глядя на него, Ольга.

– Я и так злой! – промычал Леха в ответ.

– Жестковато получилось, – Ольга принесла с кухни посуду, – надо было шею брать, но ее не было, пришлось купить окорок.

Дневная усталость дала о себе знать, и в основном все ели молча, разместившись на лежаках, время от времени поднимая из своих углов пластиковые стаканы и произнося дежурные тосты. Так и не допив вино и едва попробовав джин, люди начинали раскладывать спальники. Я тоже клевал носом, но все же решил перед сном подняться на улицу и выкурить дежурную сигарету.

Арта гроыхала за городом отдаленными грозами, но здесь было тихо и даже спокойно. Совершенно пустые улицы освещали только фонари, и создавалось ощущение глубокой ночи, хотя часы показывали чуть больше двенадцати. Окна в домах не горели. Позже Леха рассказал мне, что высотка напротив штаба полностью пуста, а жильцы уехали оттуда после прилета.

Я докурил, выбросил сигарету и вдруг почувствовал себя единственным человеческим существом во всем городе. А Донецк забылся вокруг меня тяжелым тревожным сном, и неизвестно зачем освещали его безлюдные улицы, площади и проспекты никому не нужные фонари.

* * *

Аркадич, несмотря на свои восемьдесят два года, оказался весьма бойким стариком. Он везде и всюду старался нам подсобить и не слушал наших протестов. Был, казалось, сразу за каждым углом и в каждой разрушенной комнате.

Я не уточнял, что конкретно прилетело к нему в дом, но, судя по виду, остальные дома в частном секторе оставались целыми, а вот дом Аркадича превратился в руины. Второго этажа не было вовсе, первый же выгорел и частично обвалился. Попадание получилось достаточно точным, с небольшим разлетом, на заборе из профнастила, в двух метрах от дома не было ни царапины, так же не пострадали и бытовые постройки. В одной из них и ютился теперь Аркадич.

Мы приехали примерно к обеду. Я и два молодых питерских парня, Никита и Дмитрий, те, что помогали вчера разгружать тяжелые генераторы.

Наши волонтеры приезжали сюда уже не в первый раз, когда было время и когда люди не были заняты на других работах. Разгребали завалы, вывозили мусор и старались спасти то небольшое уцелевшее, что не уничтожил пожар.

Аркадич был благодарен и обычно в конце дня угощал чем мог приехавших к нему парней и девчонок. Водилась у него и водка. Поэтому поработать у Аркадича считалось делом весьма почетным.

Натянув на себя чьи-то промасленные штаны, спецовку и вздохнув о том, что подходящей обуви в штабе для меня не нашлось, я тоже отправился к нему.

Войдя во двор, переступая через куски бетона, я вдруг поймал себя на мысли, что стараюсь обходить обломки только затем, чтобы не поцарапать о них свои «рейнджеры», не задеть ненароком носком ботинка обугленный кирпич.

Мне стало стыдно, я пинком отшвырнул в сторону кирпичный осколок, но все-таки решил раздобыть у Аркадича рабочую обувь.

Я снова вспомнил этот пустяковый случай, когда вернулся в штаб. Случай наглядно продемонстрировал ту самую пирамиду ценностей, в которой находились вода и хлеб, и прочие, казалось, мелочи, для местных жителей, по сравнению с глобальными событиями, происходящими вокруг. Об этой шкале приоритетов я заикался тебе ранее.

Ты можешь себе представить, что где-то совсем рядом сходятся две армии и люди рвут друг друга в клочья, совсем близко падают снаряды, постоянно слышен гул канонады, а ты стоишь на горячих еще развалинах, чешешь репу и думаешь: «Грязно тут у вас, как бы мне ботинки не испачкать?»

Человек на войне быстро учится ценить то небольшое, что у него осталось, и то, на что он еще способен повлиять. Предотвратить попадание невозможно, а вот уберечь условные ботинки вполне по плечу.

Войдя во двор, я искренне обрадовался тому, что в огороде у Аркадича стояли две ванны, наполненные чистой водой. Я сильно хотел пить, а еще переживал, чем буду оттирать сажу с лица после работы. Конечно! О чем еще здесь переживать?

Из предложенных инструментов я выбрал почти родной в моей археологической работе «фискарь». Полностью металлическую лопату марки Fiskars. Уж не знаю, откуда она оказалась у Аркадича. Я повертел в ладонях привычную железную рукоятку, проверил лезвие, его стоило бы заточить, но, чтобы копать камни, оно, в принципе, подходило.

Фискарь, лязгнув, зарылся в кучу бетонного крошева. Работа началась. Из-под обломков показались первые артефакты. Оплавленные компьютерные диски. Они все еще переливались тускло потемневшей радугой.

Один из них уцелел, на нем виднелась сделанная черным маркером надпись: «Семейный архив», но вряд ли диск читался после такого жара.

Остатки бытовой техники, осколки посуды, словно кусочки керамики, выныривали из-под стального лезвия. Все это безжалостно сыпалось в мусорные мешки, набитые прошлым добродушного старика.

Я вошел в раж. Типичный азарт археолога, которому не терпится узнать, что покажется из-под лопаты в следующий момент.

Внезапно фискарь неприятно спружинил назад при следующем ударе. Так бывает, когда под лопату попадает резина, ткань или достаточно плотная бумага. Я пошарил за спиной рукой в поисках совочка, сообра-

зил, наконец, что я не на раскопках, взял какую-то палку и расковырял ею кирпичный балласт. Под ним, среди углей, белел корешок книги, я потянул за него, вытащил и грустно улыбнулся. Книга называлась: «На Западном фронте без перемен». Я отложил ее в сторону и снова загнал лезвие фискаря в обугленную глубину завала, но эффект повторился.

На этот раз я, чуя очередную добычу, поумерил пыл. Кончиком штыка срезал несколько сантиметров угольно-пыльной поверхности и выудил на свет следующую книгу. Ту самую «Конармию», что лежала и у меня, на дне моего рюкзака.

Дальше книги шли одна за другой. Чего тут только не было! Научные труды, большие и тяжелые фолианты энциклопедий, разноцветные альбомы известных художников, советская и зарубежная классика.

Теперь уже мы, с моими коллегами-волонтерами, все втроем кинулись руками разгребать мусор, выхватывать из его недр новые находки и, в восторге, стирать с них копоть грязными ладонями. Библиотека Аркадича действительно впечатляла.

Удивительно, но книги практически не пострадали, испачкались, закоптились, но странички их остались целыми. Только чуть суховатыми и ломкими на ощупь. Такого не бывает у домашних, благополучных книг.

Осторожно мы выносили их во двор, складывали стопками и укрывали брезентом.

Под конец рабочего дня у меня выдалось время отложить фискарь и немного осмотреться.

Начало смеркаться, и руины, окончательно растеряв скупые цвета, почернели и замерли неестественным силуэтом разрушенного дома. Парни ушли ужинать в бытовку к Аркадичу, я же, включив камеру в телефоне, решил еще раз пройтись по комнатам.

О назначении их я мог догадываться только по сохранившейся кое-где мебели.

Первая комната была почти не тронута огнем. Небольшой диванчик устроился в углу, простой, еще советский письменный стол, упавшие табуретки, одна которых беспомощно подняла ножки к потолку. Обои в цветах едва попробовало пламя.

Кухня тоже уцелела. Все находилось на своих местах. Газовая печь, раковина, в ней повернутый набок кран, кастрюльки на полках, чайник на плите. Застывший мирный быт, жуткая в своем спокойствии кухня.

Взрывная волна не пожелала сюда заглянуть, огонь побрезговал предложенным угощением. Ни один магнитик не упал с холодильника, ни одна ложка не скатилась со стола. Все осталось на месте, но все почернело, каждая мелочь сделалась угольно-черной. Война порой бывает большим оригиналом.

Я, будучи дизайнером по образованию, по достоинству мог оценить эти ее таланты. Война с легкостью превращала в арт-объекты не то что дома и улицы, но целые города. Мне было чему поучиться у этого маэстро. И, что скрывать, камеру в телефоне я включил в том числе и затем, чтобы запечатлеть ее дизайнерский проект.

В следующей комнате меня ждала следующая инсталляция. Задумка была не нова, идеальным было исполнение.

В одном из отсеков обугленного шкафа помещался телевизор. Благодаря умелым рукам огненного скульптора телевизор показал свое истинное лицо. С полки стекало расплавленное чудовище – олицетворение ужаса и боли.

Пару дней назад в центре города снаряд угодил в тротуар рядом с витриной одного модного магазинчика. К тому времени, когда я проходил мимо, витрину уже залатали вездесущим OSB, но вывеску не тронули. Что было там написано раньше, разобрать не представлялось возможным. Буквы вырвало взрывом, и они повисли на проводах электроподсветки в неправильном порядке. Жутко становилось от того, что буквы будто бы складывались в короткие и отрывистые слова, похожие на гортанное воронье карканье, а слова, в свою очередь, в предложение из двух строк. В том странном языке доминировали согласные, гласных букв почти не было. Так война изобретала свой собственный язык.

Вечер опустился на импровизированную галерею. Скелет лестницы, упавшийся рогами в пустоту, причудливые силуэты обвалившихся стен скрывала темнота, и я решил присоединиться к моим трапезничавшим коллегам.

Когда я вошел, Аркадич вскрывал банку с паштетом. На столе стояла консервированная сайра, сардина, лежала распакованная пачка галет. Галеты в данном случае предполагалось употреблять в качестве хлеба, паштет стоило намазывать именно на них.

– О, писатель вернулся! – усмехнулся Аркадич, обернувшись ко мне. Видимо, кто-то из молодых коллег уже взболтнул ему о роде моих занятий. – Присаживайся к столу, угощайся Батькиными подарками.

– Покорнейше, – улыбнулся я и полез на свободное место.

«Батькиными подарками» Аркадич шутя именовал гуманитарку из Белоруссии. Да и вообще он любил шутить.

Много лет Аркадич трудился на научном поприще, о чем поведал нам, разливая водку. Даже изобрел какие-то «магниты». Что это за магниты и зачем они нужны, я как истинный гуманитарий, конечно, не понял, но было ясно, что открытие крайне полезное.

Его помотало по тогдашней, еще общей стране, в связи с чем у него накопилось множество интересных баек, которыми он с удовольствием делился. Случилось ему жить и работать и в нашем с тобой мирном Горьком городе.

Я смотрел на него и поражался тому, сколько тепла осталось в этом пожилом человеке.

Аркадич тем временем пододвинул банку с рыбой ближе к центру стола, кивнул на нее волонтеру Никите и хлопнул того по плечу.

Сколько таких банок у него самого? Сколько галет? У него за спиной была долгая и сложная жизнь, и вот на финишной прямой случайный снаряд превратил всю его жизнь в руины, и никуда не годный диск «Семейный архив» торчит там среди обломков кирпичей. А он, Аркадич, улыбается и продолжает угощать галетами и водкой совершенно случайных для него людей, сидя в маленькой бытовке, в прифронтовой зоне, на самом берегу войны.

Мне почему-то вспомнилась история об одном профессоре математики из блокадного Ленинграда. Суть истории была в том, что профессор высчитал процент попадания авиабомбы именно в его квартиру. Процент оказался ничтожным. Профессор просидел в своей квартире до конца блокады и в бомбоубежище он не ходил.

– Снаряд дважды в одну воронку не попадает, – неуклюже ляпнул я и осекся, когда речь за столом пошла о недавних прилетах.

– А мне и одного хватило, – добродушно заметил Аркадич и разлил остатки водки.

Он подошел ко мне, когда мы уже собирались уезжать.

– Послушай, писатель, ты ведь напишешь о нас? Обо всем этом? Чтобы люди знали...

– Напишу, я обязательно напишу!

Я посмотрел в глаза старика, но опустил свой взгляд на непоцарапанные свои ботинки.

* * *

Ты как-то сказала, что я совсем не знаю тебя, а здесь мне стало казаться, что я знал тебя всегда, просто никак не мог найти.

Но однажды я тебя нашел. Помнишь? Литературный фестиваль, на который я, в общем, не собирался и вдобавок заболел. Но там было назначено несколько важных встреч, и ехать было необходимо. Немного отлежавшись и поскрипев зубами, я с грустью понял, что безнадежно опоздал на наш писательский автобус, а прибыв на вокзал, выяснил, что никаких рейсов в нужное мне место в ближайшие дни не будет.

И вот тогда я совершил тот самый необдуманый поступок, из тех, о которых я тебе уже рассказывал. Хотя меня здорово пошатывало, голова кружилась, а перед глазами расплывались разноцветные круги, я решил, что доберусь на фестиваль во что бы то ни стало.

Не буду считать, сколько километров я прошел пешком, сколько машин сменил, добираясь туда автостопом, но затемно я был на месте. А утром я впервые увидел тебя.

Все эти события я прокручивал в памяти, лежа на поддонах в темноте штаба и дожидаясь утра. Всю ночь я не мог уснуть, у меня такое часто бывает, но сегодняшняя бессонница носила несколько иной характер.

«Может быть, просто весна? – предположил я и сам же себя опроверг. – Весна здесь давно, и я давно акклиматизировался. Зима кончилась и в моем городе, зима кончилась везде...»

Но я чувствовал едва заметную перемену вокруг. Любая вещь, на которую падал мой взгляд, выглядела теперь чуть иначе. Армейские рюкзаки и разгрузки, темной массой сваленные в углу, осколок сто двадцатой мины с хвостовым оперением, что закатился под Лехин лежак и был мне отсюда виден, даже сам Леха, блаженно и глупо улыбавшийся во сне. Все стало чуточку другим, поменяло окрас, посветлело.

Я прислушался к себе. Новое чувство не несло той тревоги, которая в последнюю зиму так часто глодала изнутри мои ребра. Не было тупой отрешенностью, когда я молча наблюдал за сигаретой, пока белый пепел не падал на пол. И безнадегой зимних моих ночей оно тоже не было.

И чувство не было новым. Я просто забыл, как его зовут. Зима кончилась, Воробушек. Зима кончилась и во мне.

– Подъем! – ворвалась в комнату Ольга.

Парни заворочались и заворчали. Я же подскочил сразу, радуясь отсрочке для своих навязчивых мыслей, которые упорно толкали меня к единственно верному объяснению всех моих перемен.

– Та-а-ак, – заприметила меня Ольга, – диспозиция такая: берешь вот этих двух гавриков, – Ольга не глядя кивнула в сторону Дмитрия и Никиты, – и еще одного, он вчера из Ростова приехал, сейчас пока на другой хате сидит, и устраиваете во дворе субботник. Ты за главного. Все понятно?

– Товарищ командир, – деланно заканючил я, настроение мое было странно приподнятым, – дык у нас же ж инструменту нема, негоже пятерней, аки граблями, дворы убирать.

– Не паясничай, – скривилась Ольга, – на складе есть две лопаты и грабли, у Юры спроси. А остальной инвентарь я скоро вам предоставлю.

Пока я брал у Юры лопаты, парни дожидались меня во дворе, туда же подъехал и новенький и теперь нерешительно мялся в стороне. Я оглядел его, он был совсем еще мальчишкой, в какой-то нелепой кепке, в разбитых берцах и растянутой футболке «Гражданская оборона», впрочем, когда-то и я выглядел точно так же.

Я подозвал его к остальным.

– В общем, так, бойцы, делаем следующее: квадратное катаем, круглое... круглое вообще не трогаем, пусть себе лежит. Ну, вы знаете. Погнали?

– А если мы «Лепесток» найдем, его отдельно положить? – вдруг подал голос новенький.

Я уставился на него, силясь понять, серьезно он или нет. Наличие в траве противопехотной мины «Лепесток» было вполне возможным, хотя и маловероятным, встречались они в основном на окраинах города. Но сейчас меня интересовало, шутит ли он или серьезно решил производить с «Лепестком» какие-нибудь манипуляции. Все-таки решив, что шутит, я иронично ответил:

– Лично тебе я разрешаю положить его себе в карман, на память... вечную.

Но, подойдя к зевающему Никите, все же предупредил:

– Вы приглядывайте за ним, как бы он тут у нас на собственной зажигалке не подорвался.

Погода была отличная. Конец марта в Донецке напоминал начало мая в нашем городе. Цвели деревья. Что это за деревья, а быть может, и кусты, я не знал, раньше я таких не видел. Пробивалась зеленая трава, скрывая всевозможные неприятности, а над головой было опасное, но такое синее небо, что кружилась голова, если долго на него смотреть.

– Есть у кого курить? – окликнул я парней, которые втроем безуспешно запикивали в черный пластиковый пакет огромную кучу сухих, жухлых листьев.

– Я хотел в штабе взять, – выпрямился Дмитрий, – но на стойке ничего не было.

– Вот жлобы, – процедил я, – отправили в мусоре копать и даже куревом не снабдили.

– У меня есть, – опять удивил новенький, – только я таких раньше не видел. «Погони» называются.

Он покопался в своем рюкзаке, извлек оттуда блок сигарет в целлофановой, прозрачной упаковке и протянул мне.

– Ты где их взял? – спросил я, разглядывая сквозь целлофан белокоричневые, мягкие пачки.

– В ларьке купил.

– Не «Погони», а «Родопи», совсем по-русски читать разучились. – назидательно начал я, и задумавшись, добавил: – Не иначе, дедушкин запас. Я таких с детства не видел. Лучшие сигареты Союза, говорят, когда-то были. Болгарские вроде...

Я повертел блок в руках, акцизы на пачках были свежие, но в Донецке случались и не такие чудеса.

– Народ, гляньте сюда, – отвлек нас Никита, ковырявший неподалеку лопатой листву. – Как думаете, они живые?

– Да, живые, вон та рожками шевелит.

Дело было в том, что под прошлогодними прелыми листьями Никита обнаружил колонию улиток, и событие привлекло всеобщее внимание.

– Это, наверное, виноградные, – неуверенно предположил Дмитрий.

– Нет, виноградные больше, – я знал точно, потому что когда-то виноградные улитки были моими питомцами. Однажды они, непонятно какими путями, сбежали из своего аквариума всем выводком, и я, придя домой, принял их за рассыпанную по полу картошку.

Эти же улитки были размером с грецкий орех, да и выглядели они на орехи похожими. Я протянул одной из улиток палец, и она тут же к нему прилепилась.

– Привет, поедешь со мной на Большую землю? – улыбнулся я. – Я тебя Беженцем назову.

Но, сообразив, что улитка, пожалуй, не выдержит дороги, я опустил «беженца» обратно к его панцирным собратьям.

– Парни, давайте их обратно листьями закидаем, мы им, наверное, всю экосистему испортили, – предложил Никита и, не дожидаясь ответа, высыпал на обнаруженную колонию целый пакет сухих листьев, который набивал последний час. Но его поступок возражений ни у кого не вызвал.

Появилась Ольга.

– Прикиньте! Мне это в местном ЖЭКе дали, – она гордо продемонстрировала вязанку лопат и грабель, компактно уложенных в зеленую тачку, – говорят, что инструмента у них полно, а людей совсем нет. Очень благодарили за помощь.

Я, не особо слушая Ольгу, сорвал с ветки маленький, липкий листочек и растер его в пальцах. Я каждую весну так делаю, есть у меня такой ритуал. Поднес пальцы к лицу и вдохнул исходящий от них аромат, они пахли свежей листвой и жизнью терпко и горьковато.

На ограду двора уселся воробей, посмотрел на меня глазом-бусинкой, прочирикал что-то и улетел.

Я не услышал свиста, просто почувствовал колебания воздуха.

«Это прилет», – успел безразлично подумать я и еще раз успел вдохнуть горький аромат листьев.

Мне еще столько нужно тебе рассказать об этом городе, здесь столько для меня нового.

Рассказать о его людях, о детях. Особенно о детях. Представляешь, где-то слышен обстрел, а на лужайке спокойно играют дети. Смеются, бегают друг за другом, качаются на качелях, будто и нет никакой войны. Я был поражен, наблюдая такую картину на набережной. Здесь, кстати, прекрасная набережная, я бы очень хотел, чтобы ты тоже увидела ее.

Это чудесный город, и я безоговорочно его полюбил.

Но всего не уместить в один рассказ, я постараюсь исправить эту несправедливость, когда вернусь.

Но я не вернусь.

«Снаряд попал во двор жилого дома в Донецке, есть сведения о погибших и раненых», – промелькнет в новостной ленте.

Возможно, это сообщение останется незамеченным. Может быть, кто-нибудь оставит комментарий, а кто-нибудь поставит сообщению лайк, и останется только гадать, что имел в виду этот человек.

Мне лично все равно. Ты не читаешь такие новости. И это правильно. Если б я мог, я бы и сам их не читал.